

Информация для цитирования:

Шестакова Е. Ю. Образ России в автобиографической прозе о детстве А. Н. Толстого и И. С. Шмелева / Е. Ю. Шестакова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 335—351. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-335-351.

Shestakova, E. Yu. (2024). Representation of Russia in Autobiographical Prose about Childhood by A. N. Tolstoy and I. S. Shmelev. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 335-351. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-335-351. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ России в автобиографической прозе о детстве А. Н. Толстого и И. С. Шмелева

Шестакова Елена Юрьевна
orcid.org/0000-0001-5764-0576
кандидат филологических наук,
кафедра литературы и русского языка
shestackova.lena2013@yandex.ru

Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Representation of Russia in Autobiographical Prose about Childhood by A. N. Tolstoy and I. S. Shmelev

Elena Yu. Shestakova
orcid.org/0000-0001-5764-0576
PhD in Philology,
Department of Literature
and Russian Language
shestackova.lena2013@yandex.ru

Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается своеобразие воплощения образа России как органической части художественной модели мира автобиографической прозы о детстве писателей русского зарубежья первой волны эмиграции. Материалом исследования послужили повести А. Н. Толстого «Детство Никиты» и роман И. С. Шмелева «Лето Господне». Используются сравнительно-исторический, историко-литературный методы, а также принцип целостного анализа идейно-художественного содержания текстов. Установлено, что образ России включает в себя образы русского народа, природы, истории, поколений. Время получает черты мифологизации. Историческое и эпическое время определяют сюжетное движение. Пространство строится как противопоставление города и деревни. Природа одушевляется и одухотворяется. Одним из важных пространственных параметров становится образ дома. В романе «Лето Господне» он предстает в неразрывной связи с образом храма и сакрализуется. Ведущей духовной составляющей мира является живой образ Христа. Образ России связывается с темой утрат. В романе «Лето Господне» образ Москвы осмысливается центром Родины — Святой Руси. Детство и Россия идеализируются, наделяются идиллическими характеристиками. Образ ушедшего мира получает ностальгическую окраску.

Ключевые слова:

образ России; автобиографическая проза о детстве; литература русского зарубежья; Алексей Толстой; Иван Шмелев.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the uniqueness of representing the image of Russia as an integral part of the artistic worldview in the autobiographical prose about childhood by first-wave Russian emigrant writers. The research is based on A. N. Tolstoy's novella "Nikita's Childhood" and I. S. Shmelev's novel "The Lord's Summer." Comparative-historical, historical-literary methods, as well as the principle of comprehensive analysis of the ideological and artistic content of the texts, are employed. It is established that the image of Russia encompasses representations of the Russian people, nature, history, and generations. Time takes on mythological features, with historical and epic time shaping the narrative movement. The spatial dynamics are constructed as a contrast between city and village, where nature is animated and spiritualized. The concept of home emerges as a significant spatial parameter. In the novel "The Lord's Summer," it is intricately linked with the image of the church and sacralized. The central spiritual component of the world is embodied in the living image of Christ. The image of Russia is intertwined with themes of loss, with Moscow symbolized as the heart of the Motherland — Holy Rus'. Childhood and Russia are idealized, imbued with idyllic characteristics, while the image of a bygone era carries a nostalgic hue.

Key words:

image of Russia; autobiographical prose about childhood; Russian emigre literature; Alexey Tolstoy; Ivan Shmelev.

УДК 821.161.1Толстой.07+821.161.1Шмелев.07+82-312.6

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-335-351

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Образ России в автобиографической прозе о детстве

А. Н. Толстого и И. С. Шмелева

© Шестакова Е. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

В статье рассматриваются особенности художественного воплощения образа России в автобиографической прозе о детстве писателей русско-го зарубежья первой волны эмиграции. Образ Родины — неотъемлемая часть художественной модели мира, воссозданной авторами. Моделью мира является «базовая система-интерпретатор, задающая правила комбинирования образов в рамках того или иного поэтического типа», она становится «набором самых общих, абстрактных представлений о мире, которые в разных художественных направлениях воплощаются в конкретных культурно-философских системах, формирующих разные картины мира» [Темиришина, 2012, с. 19—26]. Ю. М. Лотман в качестве основных составляющих художественной модели мира выделил понятия «персонажа» и «пространства» [Лотман, 1970, с. 303]. «Компонентами художественной модели мира» являются пространство, время, герой (или его типология), жанровая специфика текста, его мотивный ряд [Аванесян, 2020, с. 5]. Об этом пишет и Н. А. Ларина, говоря о «протоформуле миромоделирования» или «базовых параметрах»: пространство, время и человек (персонаж) [Ларина, 2018, с. 4].

Художественная модель мира представляет собой особую структуру, на своеобразии которой оказывает большое влияние личность автора. М. М. Бахтин наделял автора ролью «носителя напряженно-активного единства завершенного целого, целого героя и целого произведения, трансгредивного каждому отдельному моменту его» [Бахтин, 1986, с. 16]. На своеобразии миромодели произведения может оказывать существенное влияние литературное направление (или течение), историческая эпоха, события социальной жизни. А. Н. Толстой и И. С. Шмелев создали свои произведения о детстве, находясь в эмиграции, что наложило особый отпечаток на особенности воплощения образа России.

Широкий интерес современного литературоведения к изучению творчества писателей русского зарубежья определил актуальность нашего исследования. Новизна работы заключается в осуществлении сопоставительного анализа произведений о детстве А. Н. Толстого и И. С. Шмелева сквозь призму миромоделирования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования стали повесть А. Н. Толстого «Детство Никиты» (1922) и роман И. С. Шмелева «Лето Господне» (1927—1944). Данные произведения явились предметом изучения в работах многих современных литературоведов. В статье М. М. Дунаева раскрывается сущность художественного метода И. С. Шмелева, прибегающего к «духовному детерминизму» [Дунаев, 2009, с. 195]. В монографии А. М. Любомудрова утверждается, что «духовный реализм нашел многогранное воплощение в творчестве» [Любомудров, 2003, с. 225] И. С. Шмелева. Важной особенностью шмелевского художественного мира, на взгляд И. А. Есаулова, является то, что он «вбирает в себя ... и древнерусскую книжную установку на воцерковление человека, и свойственную классической русской литературе XIX века имплицитную ориентацию на высший нравственный идеал, каким является Иисус Христос» [Есаулов, 1992, с. 236]. По мнению Л. А. Лысенко, И. С. Шмелев создал «многоаспектный образ православной России, являющийся смысловым центром» [Лысенко, 2016, с. 18] романа «Лето Господне».

М. В. Кошелева сосредоточена на выявлении специфики «особого характера хронотопа», представленного в повести «Детство Никиты», «который обусловлен восприятием детства как мира гармонии — хронотоп дворянской усадьбы» [Кошелева, 2012, с. 165]. А. Э. Гатина анализирует «речевое поведение героев», выявляя своеобразие «мира семейных отношений» [Гатина, 2017, с. 91] в тексте А. Н. Толстого. Ольфакторная и звуковая сферы мировосприятия героя толстовской повести, колоративная лексика стала предметом научного осмысления в статьях В. В. Сальниковой [Сальникова, 2014 и др.]. Лексический компонент языковой картины мира ребенка на материале толстовской повести рассматривается автором в диссертации [Сальникова, 2015].

Цель работы состоит в рассмотрении специфики образа России в структуре художественной модели мира автобиографической прозы о детстве А. Н. Толстого и И. С. Шмелева. В работе используются сравнительно-исторический, историко-литературный, биографический, сравнительно-типологический методы исследования. Поставленная цель определила необходимость осуществления целостного анализа идейно-художественной организации текстов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образ народа как часть образа России

В центре модели детства повести А. Н. Толстого «Детство Никиты» и романа И. С. Шмелева «Лето Господне» находится образ Родины. Представления о России у героев произведений — десятилетнего Никиты и семилетнего Вани — формируются постепенно, сначала они сливаются с образами дома, семьи, затем включают в себя уже и образы народа (рабочих, слуг, крестьян), природы, настоящего и прошлого времени.

Герои А. Н. Толстого и И. С. Шмелева растут в окружении многочисленной дворовой челяди, общение с которой оказывает влияние на их формирование и становление. В произведения вводятся главы, посвященные присутствию мальчиков во время обеда слуг («Грачи» в «Детстве Никиты», «Круг царя Соломона» в «Лете Господнем»). Перед детьми раскрываются обычаи, традиции народа: глава стола как «отец» «большой» семьи, серьезное отношение к принятию пищи, игра в карты, гадание по Оракулу.

Мальчики познают основы повседневного быта, отличающиеся от тех, которые были приняты в их семьях. Плотник Пахом приобщает Никиту к трудовым и этическим народным традициям, напоминая наставника Вани Михаила Панкратовича Горкина из романа И. С. Шмелева. В образах Василия Васильевича Косого, приказчика Сергея Ивановича (отца Вани) и Антона Кудрявого, кучера, в романе «Лето Господне» раскрывается сущность национального характера. Герой И. С. Шмелева в общении с ними открывает для себя противоположные черты характера и темперамента простого русского человека. Богатырская мощь, жизнерадостность соседствуют со склонностью к задумчивости. Страстность сменяется истовым раскаянием. Мальчик видит, что приказчик и кучер добры, по-детски непосредственны, наивны (Василий Васильевич плачет на могиле неизвестного ему младенца), щедры и готовы всегда прийти на помощь ближнему (Антон Кудрявый вызывает попавших в беду стариков и отдает им свою лошадь). Горячий нрав помогает ловко выполнять работу, но и вместе с тем понуждает сориться, попадать в смешные ситуации. Василий Васильевич и Антон Кудрявый — глубоко верующие христиане, для них характерна естественность религиозных чувств, несокрушимость православной веры. Мальчик наслаждается богатством русской народной речи: окаяющий диалект («робята»), просторечные слова («поддолбляй», «проклажаться», «подвоят») [Шмелев, 2002, с. 32, 22]. Герой приучается жить вместе с народом, делить с ним кров, стол, счастье и горе, как это принято в «большой» семье.

В произведениях созданы образы слуг-кучеров (Сергей Иванович в «Детстве Никиты» и Антипушка в «Лете Господнем»), которые одинаково воспринимают мир. Их уважают хозяева и другие слуги. Сергея Ивановича

называют по имени и отчеству. Антипушку, несмотря на старость, держат «только для хлебушка» [Шмелев, 2002, с. 35], не прогоняя со двора. Ласковое обращение к кучеру свидетельствует о сердечном отношении обитателей дома к старому слуге. Сергей Иванович показывает Никите, как нужно с достоинством выполнять свое дело («На козлах он сидит степенно и строго»), объясняет, почему «конь надувается», учит видеть нрав животного («конь добрый», «хитрое животное») [Толстой, 2002, с. 248, 230].

Кучеры открывают героям мир природы. В их восприятии кони — живые существа со своими характерами. Антипушка добавляет к этому представление о ценности всякого Божьего создания («Лошади — божьи твари, животная живая, умная»), учит Ваню почтительно относиться к старому животному («Кривую молодые лошадки-то уважают»), не позволяет сомневаться в справедливости промысла Господа («Молчи, этого никто не может знать») [Шмелев, 2002, с. 35]. Обладая чуткой душой, кучер видит внутреннее состояние человека и приходит на помощь ближнему. Речь героя обогащается народными выражениями: «поклончик скажут», «промахни рюмочку», «посуются в дом» [Шмелев, 2002, с. 35, 230].

Маленьким героям открывается мир чувств людей из народа. Взаимоотношения Артема и Дуняши в «Детстве Никиты», Дениса и Маши в «Лете Господнем» не оставляют мальчиков равнодушными. Никите близки переживания Артема, так как он сам познал чувство любви и понял, насколько тяжела разлука с любимым человеком. Ваня открывает для себя существование любви между мужчиной и женщиной, а также то, что оно делает их несчастными.

Мальчики понимают, что отношения между хозяевами и слугами — это душевные, окрашенные любовью и преданностью связи. Артем говорит о Василии Никитьевиче: «Наш пылит» [Толстой, 2002, с. 242]. Денис не может спать, думая о своей вине перед хозяином. Молодой солдат открывается Ване как широкая натура, размах которой проявляется и в истовом трудолюбии, и в страсти к винопитию. Денис делится с Ваней своим образно-поэтическим восприятием водной стихии и ее обитателей: «Речнушки эти дышут, крышечки поднимают», «поют» [Шмелев, 2002, с. 161]. Денис раскрывает перед мальчиком богатство наблюдений о жизни водного мира: умершая рыба выплескивается на берег, «как мы все равно своих хороним»; раки чувствуют, «когда человек утопнет» [Шмелев, 2002, с. 161], приползая на это место за три дня. Он мудро замечает: «Там у них свой порядок» [Шмелев, 2002, с. 161]. Денис дает Ване возможность ощутить родство человека и водной стихии.

Птичник Солодовник открывает Ване мир птиц. Мальчик учится различать их пение. Ухаживая и наблюдая за птицами, герои проникаются святостью божьих тварей. В его восприятии трели соловья сливаются со

звуками горного мира и становятся прообразом ангельского пения. Солодовкин обогатил речь Вани словами «перехват», «кошечка», «чмокание», выражениями «галочку подопр, а то накроют», пословицами «повар по цене, товар — по слову» [Шмелев, 2002, с. 48].

Однако не всегда отношения с окружающими людьми оказываются безоблачными. Писатели не избегают изображения драматических ситуаций, помогающих маленьким героям разбираться в людях, определять свое отношение к ним. Неоднозначно складывается общение Вани с крестным Кашиным и дворником Гришкой. Мальчик впервые сталкивается с непорядочными, гордыми людьми, которые выступают в роли «дьяволов-искусителей» для хрупкой детской души. Народ дает точные определения этим людям: «пустобрех-охальник» (о Гришке), «и богатый дом, а сидеть холодно» (о Кашине) [Шмелев, 2002, с. 244]. Дворник раздражает Ваню своими неблагоприятными поступками, сомнением в православных истинах. Восприятие мальчиком крестного имеет негативную эмоциональную окраску. Общаясь с такими людьми, герой проникается силой православной веры, которая способна изменить душу человека, полную греховных страстей. Под воздействием Божьего слова Гришка кается, обретает внутреннее умиротворение. Кашина меняет трагический уход из жизни Сергея Ивановича, христианское смирение, с которым тот принимает неизбежность смерти.

Своеобразие национального жизненного уклада, русского характера раскрывается перед Никитой и Ваней за пределами дома. Своего рода коллективный портрет русского народа создается А. Н. Толстым в сцене ярмарки в Пестравке и И. С. Шмелевым в эпизоде поездки на Постный рынок. Никита наблюдает за приехавшими на ярмарку людьми: «... вот заросший от самых глаз черной бородой цыган, в раскрытом на голой груди синем кафтане с серебряными пуговицами, ... а хилый мужичок, ... с удивлением глядит на цыгана. Вот хитрый старичок уговаривает испуганную бабу купить горшок... Вот пьяный мужик сердится около лукошка с яйцами... Вот идут девки в розовых, в желтых кофтах, в пестрых полушалках» [Толстой, 2002, с. 242—243]. Внимательный взгляд героя подмечает разнообразие цветовых оттенков ярмарочной толпы, создающих впечатление пестроты и яркости. Никита выделяет выражение лиц, определяет внутренние характеристики народа. Мальчик отмечает, смекалист, сообразителен человек или глуповат и недалек. Никите становится очевидной главная особенность любого торгового места: каждый печется о своей выгоде. Звуковое разнообразие дополняет картину ярмарки: «Пыль, крик, лошадиное ржанье над ярмаркой. Свистят глиняные свистульки» [Там же, с. 243]. Из живой массы толпы герою слышны бойкие народные слова: «батюшка», «красотка», «обыщи», «шуплое яйцо» [Там же, с. 242—244].

В романе «Лето Господне» описывается «старая Москва, богомольная и хлебосольная, разудалая и благолепная», где «в глубине — праздничная толпа, заливающая московские улицы, толкающаяся перед Пасхой на Постном рынке, катающаяся с ледяных гор на Масленице, выстаивающая длинные церковные “стояния” в Великом Посту» [Струве, 1996, с. 485]. Картина Постного рынка поражает своим размахом и яркостью красок. Здесь, в столице, словно собралась вся Россия — и люди, приехавшие сюда с разных концов страны, и плоды их трудов, и щедрые дары русской природы. Ване кажется, что толпа сливается в одну массу: «гуще народу», «гул» доносит, цветовая гамма — «чернит торгом», «черно всюду» [Шмелев, 2002, с. 38]. Из этой общности иногда выходят на первый план «веселый народ ростовцы», «огородник с Крыма», «весело кричащий» [Шмелев, 2002, с. 39] бараночник Муравлятников. Все это воссоздает атмосферу торга, ее живость, энергию. Ваня видит пестрое разноцветье «синей» морошки и черники, «розового и желтого гороха», «белой» капусты [Шмелев, 2002, с. 39]. Мальчик ощущает огромное количество запахов: кислого, крепкого «свежего» — огурцов, «церковного, воскового» — меда, «соленого» — рыбы [Шмелев, 2002, с. 39]. Герой чуток и к восприятию вкуса («капуста как сахар»), ощущает синтетическое соединение цвета и вкуса («крово-красно-сладкая свекла») [Шмелев, 2002, с. 39]. Ваня насыщается богатым разнообразием народной речи, слышит слова: «самопервеющая клюкыва», «журавиха», «надоть», «серячок» [Шмелев, 2002, с. 39]. В речи народа встречаются старославянские формы слов («великопостные самыя сахарная»), названия видов хлеба («лимонный», «маковый», «шафранный»), меда («печатный», «стеклый», «гречишный»), масла («маковое», «горчишное», «орешное») [Шмелев, 2002, с. 39].

3.2. Тема исторического прошлого семьи и Родины

Создавая образ семьи, рода, Родины как среды, формирующей личность ребенка, писатели включают своих маленьких героев в контекст исторической жизни, преемственности поколений. Историческое время в автобиографической прозе играет значительную роль. Авторы показывают связь прошлого и настоящего. Никита и Ваня знают, помнят о своих предках. Портреты прадедов на стенах дома толстовского героя — не просто деталь интерьера. Они «оживают» в рассказах матери и в воображении мальчика. Никита осознает свою глубокую связь с историей рода и семьи. Из рассказов матери становится очевидным уклад жизни прадеда, который «обыкновенно днем спал, а ночью читал и писал, — гулять ходил только в сумерки» [Толстой, 2002, с. 162].

Прошлое для Никиты окутано завесой тайны. Распорядок дня прадеда, очевидно, человека, много размышлявшего над философскими основами

бытия, его «заколоченный, необитаемый» дом вследствие «плачевных» денежных дел, странное исчезновение и письмо со словами «искал покоя в мудрости, нашел забвение среди природы» и дама в амазонке — виновница всех этих «странных явлений» [Там же, с. 161—162] — завораживают героя. Он осознает, что отрешенная от мира, талантливая, склонная к созерцанию и непривычным поступкам натура прадеда — это часть его самого, содержащая черты, присущие и его характеру, который может в своем развитии пойти по этому пути. Пока же мальчик воспринимает умерших родственников как неких сказочных существ: дама в амазонке напоминает Елену Прекрасную, «старичок со старушкой» — «злые», с «худыми руками» [Там же, с. 161] — уподобляются недобрым домовым. Никита отмечает на портретах атрибуты одежды и предметы быта XVIII—XIX веков: «длинная трубка», «перчатки с раструбом», «хлыст» [Там же, с. 162]. Ребенок находится с этими «оживающими» духами предков или в хороших отношениях (с дамой в амазонке), или в конфликтных (со стариком и старушкой), что зависит от того, понравился ли ему портрет или нет.

Ваня обозначает мир умерших словом ТАМ. Горкин приучает воспитанника с детства хранить память об умерших. Это уважение к ушедшим впитано Ваней с младенчества и сохранено на всю жизнь. Воспитатель приучает мальчика вспоминать умерших не только в дни поминовения усопших, но и ежедневно, в обыденном течении жизни. Прабабушка Устинья стала для Вани близким человеком благодаря рассказам Горкина. Важными являются заветы о том, что в церковь необходимо ехать «чинно, не торопясь», останавливаться по пути, «смотреть на Кремль», «рядиться на Святки», но «без харь» (масок), «пить маковое молоко с сытовой кутьей на Крещение» [Шмелев, 2002, с. 35, 134].

Благодаря Горкину Ваня воспринимает своих предков как людей, соблюдавших православные традиции. Помнит Ваня Гавриила и Екатерину, давно умерших родителей матери. Ушедшие в мир иной — это Мартын-плотник, который «застудился в ердани», Иван Егорыч, «устроивавший Масленицу» [Там же, с. 127, 145]. Тема памяти об ушедших разрастается в романе до мотива памяти о прошлом России, которая остается лишь в благодарных воспоминаниях автора.

3.3. Образ России как жизнь природы

Образ России в произведениях А. Н. Толстого и И. С. Шмелева возникает как единство, складывающееся из народных характеров, национальных традиций, уклада жизни и быта, семьи, мира природы, истории. Жизнь природы антропоморфизируется. В «Детстве Никиты» скворец Желтухин может мыслить, разговаривать с героем, испытывать страх. В «Лете Господнем» налим «вьется, словно хвостом виляет» [Шмелев, 2002, с. 42].

Природа сакрализируется: березы «к Пасхе распушились», можжевельник «пахнет священным» [Там же, с. 53, 15].

Мечтательному Никите открываются «сине-мерзлое небо», «белые поля», «снежные ветви», солнце, которое «страшно медленно ползло к земле, розовело», «лунный свет» [Толстой, 2002, с. 179, 181, 184]. В сознании Вани небо связывается со святым песнопением, там «живут» Господь, Иоанн Богослов, ангелы. Символичное слово ТАМ обозначает святость неба и его «обитателей». Звезды — олицетворение тайны. Русские пейзажи в «Детстве Никиты» составляют образы полей, пашен, курганов. В «Лете Господнем» земля описывается с помощью эпитета «черна», словосочетания «пахнет весной» [Шмелев, 2002, с. 30].

Ваня наблюдает за «большими голубыми хрустальными звездами», небо и звезды наполнены «чистым божьим светом» [Шмелев, 2002, с. 99]. В восприятии Никиты весенний дождь представлен в виде «лазурного пятна», «синевато-прохладного света», ручьев в «сверкающих» солнечных зайчиках и «снопов света» [Толстой, 2002, с. 365]. Ваня заслушивается мартовской капелью, благоговейно воспринимает крещенское освещение воды, с трепетом всматривается в «дышащие проруби» [Шмелев, 2002, с. 153] на Москве-реке. Все стихии и их обитатели связаны единым кругом жизни, который определяет движение сюжета: «Заканчивается круговорот природы, и заканчивается повесть» [Крюкова, 1990, с. 216].

Стихии природы и их обитатели находятся в постоянном взаимодействии, отношениях гармонии / дисгармонии. В повести «Детство Никиты» «глухая ночь» такая морозная, что «ветки деревьев ломаются, как льдинки» [Толстой, 2002, с. 179], а поутру на снегу находят мертвых воробьев. Никите «мутно и тревожно», кажется, что в природе «должно произойти страшное» [Там же, с. 202]. Если внутреннее состояние героя радостное, то пейзаж преобразается: солнце «лохматыми ослепительными потоками лилось с вышины», «по синему-синему небу плыли облака» [Там же, с. 213]. Природа приносит Ване весточки о грядущих скорбных днях: пышно цветет «змеиный цвет», не прилетают скворцы, воеет собака Бушуй. Если у героя грустное настроение, то деревья стоят «пыльно-зеленые» и небо становится «пыльным» [Шмелев, 2002, с. 92]. В радостном состоянии Ваня отмечает, что яблоки отливают «глянцем ветвей и листьев», вишни становятся «сквозными, залитыми янтарным клеем», деревья одеваются в «снежное кружево» [Шмелев, 2002, с. 127].

Внутри круга взаимодействия природы и человека создается единство бытия, что сообщает произведениям А. Н. Толстого и И. С. Шмелева эпическую окраску. В толстовской повести «время историческое» «находится под властью времени эпического, всеобщих законов бытия» [Мущенко,

1983, с. 57]. Время в романе «Лето Господне» имеет ту же эпическую природу. И. А. Ильин пишет о том, что шмелевская «лирическая поэма» «перерастает в эпическую о России и об основах духовного бытия» [Ильин, 1991, с. 181]. Смысловое «движение» идет «от Радостей к Скорбям» [Басинский и др., 1991, с. 181]. В «Лете Господнем» намечено мифологическое время, которое течет «замедленно», «циклично», реализуется в «ритуалах, обрядах и праздниках» [Ефимова, 1992, с. 40].

Природный мир в повести «Детство Никиты» соотносится с социальным пространством (дом, город, деревня) и православным календарем. Образ дома наполняется солнечным светом, уютным свистом самовара и треском дров в печке. Деревня Сосновка — это веселье, здоровье, праздничное настроение, рубка капусты, пахтанье масла, Дуняша, заливающаяся румянцем, работник Василий — кровь с молоком. Здесь мальчик бесконечно счастлив, поскольку все вокруг наполнено красотой, добротой, чудесами: «расписанные серебром звезды на окнах», «хитрый человек» Аркадий Иванович, ласковые глаза матушки, «унылый купец» [Толстой, 2002, с. 151—153] из задачника. Россия деревенская — это река Чагра, «огромные и широкие» ветлы, плотницкое мастерство Пахома, «ловкие и озорные» [Там же, с. 155, 158] мальчишки, простые отношения между людьми, пение народных песен, труд на земле, неповторимый образный язык.

Русская деревня связана с гармоничным существованием, возможностью радоваться каждому мигу. К. И. Чуковский отмечал: «Это Книга Счастья — кажется, единственная русская книга, в которой автор не проповедует счастья, не сулит его в будущем, а тут же источает его из себя» [Воспоминания об А. Н. Толстом ..., 1982, с. 30]. Писатель идеализировал жизнь в России, находясь в эмиграции, воспринимал ее как мир чудес и гармонии. Он приоткрыл двери «рая», о чем писал так: «Человек носит в себе маленький мир младенчества, светлый, как свет неба, радостный, как поляна, покрытая росой. Это потенциал художника. Воспоминания “рая” есть художественная хватка» [Толстой, 1985, с. 93—94].

Город в повести «Детство Никиты» вносит разлад в безмятежное существование героя. Самара окутана «серой мглой», в которой виднеются «купола церквей», «трубы паровых мельниц» [Толстой, 2002, с. 248], воплощающих сочетание древних духовных традиций и урбанизации. Городское пространство разрушает гармоничный мир деревни, внося в него омертвление. Маленький герой чувствует себя исторгнутым из теплой, уютной атмосферы в чужой, угрожающий неизвестностью мир. Отвращение Никиты к городу выражается и в тех образах, которыми он характеризует увиденное: «вонючие заводы», «грязная слобода», «мрачные амбары» [Там же]. Мальчик ощущает свою чужеродность по отношению к городским

жителям. Он отмечает «залепленные грязью экипажи», видит «неуклюжие и смешные коляски», обращает внимание на то, что «матушка молчала: не любила городской жизни» [Там же]. Описание города контрастирует с деревенским пейзажем, «спокойное радостное деревенское раздолье» противопоставляется «тесноватым необжитым комнатам», «суете, шуму, взволнованным разговорам», даже изменяется восприятие движения времени («часы летели») [Там же]. С образом директора гимназии связывается запах меди (денег) как неотъемлемого атрибута жизни города.

Дом в романе «Лето Господне» наполнен иконами, лампадами. Это пространство обжито множеством людей, ощущающих себя «большой» семьей, связанной духовным родством и живущей по заповедям Божиим. Дом в представлении Вани является сакральным, святым пространством, поскольку в нем ощущается живое присутствие Бога. Именно здесь происходит духовное становление мальчика. Пространство дома становится обителью христианского благочестия и единства человеческого общежития.

Церковь в романе «Лето Господне» осмысливается домом Бога. Храм является значимой частью жизни маленького героя, воспринимающего его по-разному в зависимости от внешних событий и от своего внутреннего состояния. Он то «пустынен и тих», то «полон молящегося народа», «светел от свечей», это и «обитель скорби», и «священный сад» [Шмелев, 2002, с. 27, 75]. Изумляясь могуществу Бога, Ваня испытывает робость, понимает, что Его в полной мере постичь невозможно. Храм — пространство, открывающее истину о смерти и жизни, человеческой судьбе, заповедях, чудесах. В церкви герой совершает важнейшее открытие: Бог — «воскреснет» и «все воскреснут» [Там же, с. 58]. Храм — место, где происходит глубокая духовная работа внутри ребенка, «обнажение чувств и переживаний человека, открытия раненного сердца, выстрадавающего священный замысел и постижение высшей божественной истины» [Ильин, 1991, с. 56].

3.4. Образ Москвы

Москва в романе «Лето Господне» осмысливается центром Святой Руси — сердцем, душой Родины, ее Домом, «носителем высших всееленских идеалов святости, добра и красоты» [Ефимова, 1992, с. 41]. Важен и «святой золотисто-розовый Кремль» — «дом божьего благословения» [Шмелев, 2002, с. 37]. Москва полна церквей, святых монастырей. При виде Кремля в глазах героя появляются слезы при мысли, что «это мое»: «И стены, и башни, и соборы, и дымчатые облачка за ними», «река, и заречная даль посадов», «и дым пожаров, и крики, и набаты», «бунты, и топоры, и плахи, и молебны» [Там же]. Здесь возникает тема исторической, родовой памяти, которая просыпается в юном герое. Он чувствует в себе все жившие до него поколения. Кремль в восприятии мальчика «оживает»,

так как «на нем кровь, святая», история нации и рода, православная культура запечатлена на его стенах: здесь «святители Москву хранили» и «старые цари в Архангельском соборе почивают в подгробницах» [Там же].

Ваня воспринимает Москву огромной, густонаселенной и застроенной. Среди городских строений выделяются «колоколенки, золотой купол Храма Христа Спасителя, белые ящички-домики, сады, огороды, церковки» [Шмелев, 2002, с. 83]. Ваня определяет, что Москва — «настоящая», когда «над нею туча, и видно, как сеет дождь» [Там же, с. 85], который «очистил» город, ставший самим собой. Такой Москва предстает в восприятии Вани благодаря Горкину. Отец «открывает» мальчику «поэтическую» Москву, когда у героя возникают «с чего-то слезы» [Там же, с. 332].

Пушкинская Москва открывается Ване как «коренной России град», где «на церквах старинных вырастают деревья» и «как жар крестами золотыми горят старинные главы» [Там же, с. 331]. Столица в восприятии мальчика предстает пространством духовного величия России, торжеством святости и красоты, центром христианской культуры. И. А. Ильин замечает: «Шмелев пишет как бы из подземных пластов Москвы, ее вековых подвалов, где открываются старинные бердыши и первобытные монеты. Читая его, чувствуешь подчас, будто время вернулось вспять, будто живет и дышит перед очами исконная Русь, ее душа» [Ильин, 1991, с. 57]. Г. Гребенщиков писал: «И. С. Шмелев — вот кто дал Москву, и дух ее, и язык, и быт, и святость» [Дальние берега ..., 1991, с. 35]. Конечно, пространственные характеристики дома, храмов, Москвы — плод художественной интерпретации И. С. Шмелева. Эти места наделены идиллическими характеристиками, предстают такими, какими автор хотел их видеть, о чем рассуждал Г. В. Адамович: «Была ли старина именно такой? Не обольщаемся ли мы насчет ее подлинного благолепия? Не поддаемся ли иллюзии?» [Адамович, 2002, с. 72]. Писателю представлялось важным возродить образ ушедшей России, воспринимавшийся из дали лет и эмиграционной изоляции проникнутой Божьей благодатью и светом Христовой любви.

4. Заключение = Conclusions

Образ России является важной частью миромодели детства в автобиографической прозе А. Н. Толстого и И. С. Шмелева. Россия и народ предстают в тесной близости, жизнь героев проходит в кругу народных обычаев, традиций, основ повседневного быта. В этом обнаруживается мифологический характер временного движения. Писатели подробно прописывают отдельных персонажей и одновременно коллективный портрет русского народа. Дети открывают особенности мировосприятия простого русского человека, противоречивость его темперамента, характера. Духов-

ное величие, трудолюбие, доброжелательность соседствуют с разгулом страстей, скупостью, злобой, непорядочностью. В романе «Лето Господне» герой познает глубину религиозных чувств народа, твердость православной веры. Человек оказывается способен к внутренним изменениям, отказу от страстей. В произведении возникает образ «большой» семьи, во главе которой находится «хозяин» — отец Вани. Ее члены вместе разделяют не только общий дом, пищу, но и радости, и беды. Шмелевский герой с детства слышит и впитывает сочный самобытный народный язык. Еще одним компонентом художественной модели мира в прозе писателей становится образ прекрасной, одухотворенной, живой природы. Эпический характер произведений проявляется в изображении единства бытия человека и природы. В романе «Лето Господне» пейзажные картины наделяются особым ценностно-смысловым содержанием. Христоцентричность шмелевского мира, ощущение живого присутствия Бога в земном пространстве определяют сакрализацию мира природы. Образ России в обоих текстах включается в исторический контекст, сопровождается темой преемственности поколений. В основе миромодели детства лежит историческое время. Жизнь героев проходит в неразрывной связи с прошлым России и предков. Дихотомия (город / деревня) определяет социальное бытие Никиты. Образ дома занимает центральное место в пространственной миромодели прозы о детстве. Он сопрягается с мотивами света, святости, любви, уюта, защиты. Образ России в романе «Лето Господне» связывается с образами дома и храма. Москва у И. С. Шмелева предстает центром Родины — Святой Руси, идеализированной, окрашенной в идиллические тона и связанной с ностальгическими переживаниями взрослого повествователя.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Толстой А. Н. Собрание сочинений : в 10 т. / А. Н. Толстой. — Москва : Гослитиздат, 1958. — Т. 3. — 712 с.
2. Шмелев И. С. Собрание сочинений : в 5 т. Богомолье. Романы / И. С. Шмелев. — Москва : Русская книга, 1998. — Т. 4. — 560 с.

Литература

1. Аванесян И. Б. Художественная модель мира в произведениях отечественных писателей конца XX — начала XXI вв. В парадигме христианской духовности : автореферат диссертации кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. Б. Аванесян. — Ставрополь, 2020. — 29 с.
2. Адамович Г. В. Одиночество и свобода / Г. В. Адамович. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. — 476 с. — ISBN 5-250-02570-6.

3. Басинский П. В. Русская литература конца XIX — начала XX века и первой эмиграции / П. В. Басинский, С. Р. Федякин. — Москва : Academia, 2000. — 524 с. — ISBN 5-7695-0258-4.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Искусство, 1986. — 445 с.
5. Воспоминания об А. Н. Толстом / составители З. А. Никитина, Л. И. Толстая. — Москва : Советский писатель, 1982. — 495 с.
6. Гатина А. Э. Опыт лингвистического анализа семейного дискурса в художественном тексте (на материале повести А. Н. Толстого «Детство Никиты») / А. Э. Гатина // Вестник КРСУ. Филологические науки. — 2017. — Т. 17. — № 9. — С. 90—97.
7. Дальние берега : Портреты писателей эмиграции. — Москва : Республика, 1991. — 382 с.
8. Дунаев М. М. Духовный путь И. С. Шмелева / М. М. Дунаев // Духовный путь Ивана Шмелева : статьи, очерки, воспоминания. — Москва : Сибирская Благовонница, 2009. — С. 171—197. — ISBN 978-5-91362-123-8.
9. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики : Бунин, Ремизов, Шмелев / И. А. Ильин. — Москва : Скифы, 1991. — 196 с.
10. Есаулов И. А. Праздники. Радости. Скорби. Литература русского зарубежья как завершение традиции / И. А. Есаулов // Новый мир. — 1992. — № 10. — С. 232—242.
11. Ефимова Е. С. Священное, древнее, вечное. Мифологический мир «Лета Господня» / Е. С. Ефимова // Литература в школе. — 1992. — № 3—4. — С. 36—41.
12. Кошелева М. В. Образ идиллического хронотопа в повести А. Н. Толстого «Детство Никиты» / М. В. Кошелева // Дергачевские чтения — 2011 : Русская литература : национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. А. Дергачева, Екатеринбург, 6—7 октября 2011 года : в 3 т. — Екатеринбург : Издательство УрГУ, 2012. — С. 164—167.
13. Крюкова А. М. А. Н. Толстой и русская литература (творческая индивидуальность в литературном процессе) / А. М. Крюкова. — Москва : Наука, 1990. — 257 с.
14. Ларина Н. А. Миромоделирующие универсалии в малой прозе Леонида Андреева и Валерия Брюсова : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Н. А. Ларина. — Москва, 2018. — 38 с.
15. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — Москва : Искусство, 1970. — 384 с.
16. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев / А. М. Любомудров. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 271 с. — ISBN 5-86007-377-1.
17. Любомудров А. М. Богонущая душа. Духовное и мирское в творческой судьбе И. С. Шмелева / А. М. Любомудров // Духовный путь Ивана Шмелева : статьи, очерки, воспоминания. — Москва : Сибирская Благовонница, 2009. — С. 227—282. — ISBN 978-5-913621-23-8.
18. Лысенко Л. А. Образ православной России в автобиографических произведениях И. С. Шмелева «Лето Господне» и Б. К. Зайцева «Путешествие Глеба» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Л. А. Лысенко. — Нижневартовск, 2016. — 23 с.
19. Сальникова В. В. Отражение сферы запахов в языковой картине мира ребенка (на материале произведений С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» и А. Н. Тол-

стого «Детство Никиты») / В. В. Сальникова // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 3. — С. 579.

20. Сальникова В. В. Лексический компонент языковой картины мира ребенка : динамический аспект : на материале русских автобиографических повестей о детстве : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / В. В. Сальникова. — Уфа, 2015. — 41 с.

21. Струве Г. П. Русская литература в изгнании / Г. П. Струве. — Москва : Русский путь, 1996. — 445 с.

22. Темиришина О. Р. Типология символизма : Андрей Белый и современная поэзия / О. Р. Темиришина. — Москва : ИМПЭ имени А. С. Грибоедова, 2012. — 290 с.

23. Толстой А. Н. Материалы и исследования / А. Н. Толстой. — Москва : Наука, 1985. — С. 93—94.

Статья поступила в редакцию 21.04.2024,
одобрена после рецензирования 17.06.2024,
подготовлена к публикации 22.06.2024.

Material resources

Shmelev, I. S. (1998). *Collected works: in 5 vols. The pilgrimage. Novels, 4*. Moscow: Russian Book. 560 p. (In Russ.).

Tolstoy, A. N. (1958). *Collected works: in 10 volumes, 3*. Moscow: Goslitizdat. 712 p. (In Russ.).

References

Adamovich, G. V. (2002). *Loneliness and freedom*. St. Petersburg: Aleteya. 476 p. ISBN 5-250-02570-6. (In Russ.).

Avanesyan, I. B. (2020). *The artistic model of the world in the works of Russian writers of the late XX — early XXI centuries. In the paradigm of Christian spirituality*. Author's abstract of PhD Diss. Stavropol. 29 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskustvo. 445 p. (In Russ.).

Basinsky, P. V., Fedyakin, S. R. (2000). *Russian literature of the late XIX — early XX century and the first emigration*. Moscow: Academia. 524 p. ISBN 5-7695-0258-4. (In Russ.).

Distant Shores: Portraits of emigration writers. (1991). Moscow: Republic. 382 p. (In Russ.).

Dunaev, M. M. (2009). The spiritual path of I. S. Shmelev. In: *The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs*. Moscow: Siberian Blagozvonitsa. 171—197. ISBN 978-5-91362-123-8. (In Russ.).

Efimova, E. S. (1992). Sacred, ancient, eternal. The mythological world of the “Summer of the Lord”. *Literature at school, 3—4*: 36—41. (In Russ.).

Gatina, A. E. (2017). The experience of linguistic analysis of family discourse in a literary text (based on the story by A. N. Tolstoy “Nikita’s Childhood”). *Bulletin of the KRSU. Philological sciences, 17 (9)*: 90—97. (In Russ.).

Ilyin, I. A. (1991). *About darkness and enlightenment. The book of art criticism: Bunin, Remizov, Shmelev*. Moscow: Scythians. 196 p. (In Russ.).

Kosheleva, M. V. (2012). The image of an idyllic chronotope in the story by A. N. Tolstoy “Nikita’s Childhood”. In: *Dergachev Readings — 2011: Russian literature: national development and regional peculiarities: materials of the X All-Russian Scien-*

- tific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of I. A. Dergachev, Yekaterinburg, October 6—7, 2011: in 3 volumes.* Yekaterinburg: Publishing House of UrSU. 164—167. (In Russ.).
- Kryukova, A. M. (1990). *A. N. Tolstoy and Russian literature (creative individuality in the literary process)*. Moscow: Nauka. 257 p. (In Russ.).
- Larina, N. A. (2018). *World-modeling universals in small prose by Leonid Andreev and Valery Bryusov*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 38 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1970). *The structure of a literary text*. Moscow: Iskusstvo. 384 p. (In Russ.).
- Lysenko, L. A. (2016). *The image of Orthodox Russia in the autobiographical works of I. S. Shmelev "The Summer of the Lord" and B. K. Zaitsev "The Journey of Gleb"*. Author's abstract of PhD Diss. Nizhnevartovsk. 23 p. (In Russ.).
- Lyubomudrov, A. M. (2003). *Spiritual realism in the literature of the Russian diaspora: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 271 p. ISBN 5-86007-377-1. (In Russ.).
- Lyubomudrov, A. M. (2009). The God-seeking soul. Spiritual and mundane in the creative fate of I. S. Shmelev. In: *The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs*. Moscow: Siberian Blagozvonitsa. 227—282. ISBN 978-5-913621-23-8. (In Russ.).
- Memories of A. N. Tolstoy*. (1982). Moscow: Soviet Writer. 495 p. (In Russ.).
- Salnikova, V. V. (2014). Reflection of the sphere of smells in the linguistic picture of the child's world (based on the works of S. T. Aksakov "The childhood of Bagrov-grandson" and A. N. Tolstoy "Nikita's Childhood"). *Modern problems of science and education*, 3: P. 579. (In Russ.).
- Salnikova, V. V. (2015). *The lexical component of the linguistic picture of the child's world: a dynamic aspect: based on the material of Russian autobiographical stories about childhood*. Author's abstract of Doct. Diss. Ufa. 41 p. (In Russ.).
- Struve, G. P. (1996). *Russian literature in exile*. Moscow: Russian Way. 445 p. (In Russ.).
- Temirshina, O. R. (2012). *Typology of symbolism: Andrey Bely and modern poetry*. Moscow: A. S. Griboyedov IME. 290 p. (In Russ.).
- Tolstoy, A. N. (1985). *Materials and research*. Moscow: Nauka. 93—94. (In Russ.).
- Yesaulov, I. A. (1992). Holidays. Joy. Sorrows. Literature of the Russian abroad as the completion of tradition. *Novy Mir*, 10: 232—242. (In Russ.).

*The article was submitted 21.04.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 22.06.2024.*